

Лу Фэн всегда отличался превосходной памятью: людей, с которыми он хоть раз виделся или имел дело, он неизменно запоминал и по внешности, и по имени, а если имелись какие-то дополнительные сведения, обычно держал в голове и их.

Тем более что этот голос принадлежал тому, кого он ночами напролёт носил и лелеял в самом своём сердце. Стоило ему услышать его хоть раз, как он сразу понял, кто это.

Лу Фэн невероятно удивился и слегка нахмурил брови.

Чэн Пэн же, напротив, вспылал крайним любопытством. Придвинувшись к Лу Фэну, он шепнул ему на ухо:

— Фу Фэй — один из здешних инвесторов. Я от своего родственника слыхал.

Лу Фэн во все глаза уставился на него, до боли стиснув зубы, но отвечать не стал.

В этот момент из-за закрытой двери донёлся другой, низкий и властный голос, произнесший с горечью:

— А-Цянь, хватит ребячиться. Мне тридцать четыре, я тебе не сопляк двадцатилетний, мне давно пора жениться. Неужели и вправду век не жениться, а продолжать вот так с тобой мыкаться?

Чэн Пэн с еще большим азартом ухватил Лу Фэна за руку. По тому, как он сжал его пальцы, Лу Фэн отчетливо понял степень его возбуждения: ничто так не будоражит кровь, как возможность подслушать грязные тайны начальства. Но на душе у Лу Фэна было холодно — у него давно возникло предчувствие, что И Цянь предпочитает мужчин, и он даже подозревал, что того связывают близкие отношения с этим Фу Фэем, однако он никак не ожидал, что всё обстоит именно так.

— Мыкаться со мной?! — голос И Цяня прозвучал с резким надрывом. — Да кто чёрт побери ко мне первый приставать начал? Если это по-твоему «мыкаться», то ты что, слепой был?! Зачем тогда лез!

— Да успокойся ты ради бога! Я же знал, что ты устроишь истерику. Я ведь просто женюсь, но в сердце у меня только ты, ты же знаешь.

Фу Фэй попытался обнять И Цяня, но тот оттолкнул его с такой силой, что Фу Фэй впечатался в дверь. Перегородка задрожала, заставив обоих стоявших по ту сторону испугаться, что дверь сейчас распахнется, но она устояла.

И Цянь с обидой выкрикнул:

— Иди женись на своей бабе! А меня ты за кого держишь — в наложники мне себя взять предлагаешь? Фу Фэй, да ты позорища этого не стоишь!

Слова И Цяня прозвучали грубо и оскорбительно. Привыкший к тому, что ему говорят исключительно приятное, Фу Фэй недовольно сморщился, однако сдержался и не сорвался на крик, лишь спокойно произнес:

— И что же ты предлагаешь?

— Стоит тебе жениться, и между нами всё кончено. Хочешь, чтобы я молча стерпел? И не мечтай, Фу Фэй! — голос И Цяня уже звучал холодно.

— Ты сегодня просто пьян и вечно устраиваешь бессмысленный скандал. А-Цянь, прекрати детские капризы. Разве ты сам не знаешь, как я к тебе отношусь? Сколько тебе лет в этом году? Двадцать шесть-семь уже, неужели твоя семья позволит тебе дурачиться еще столько же? Ты ведь и сам скоро женишься и тогда поймешь, как я был прав.

Когда И Цянь оскорблял его, Фу Фэй держался невозмутимо, но сейчас в его голосе проскользнуло беспокойство: судя по всему, заявление И Цяня о разрыве глубоко задело его чувства.

И Цянь упрямо бросил:

— Я не такой трус, как ты. Я не собираюсь жениться на какой-то бабе, и точка.

— Ты красиво говоришь. А когда твоя семья всё узнает и устроит скандал, ты прибежишь рыдать ко мне, — с горькой усмешкой бросил Фу Фэй.

И Цянь отрезал:

— Если ты женишься, то к тебе это больше не будет иметь никакого отношения.

Ни один из них не желал уступать, и Фу Фэй, не добившись своего, с нахмуренным лицом сменил тактику:

— Ладно, хватит дурить, малыш. Мы столько дней не виделись, я так скучал. Всё не так страшно, как тебе кажется. Пойдем ко мне в кабинет, здесь слабый кондиционер, душно.

— Не пытайся уйти от ответа! Никуда я не пойду, кроме как темы переводить, ты вообще на что-то способен, твою мать!

Фу Фэй снова попытался притянуть И Цяня к себе, но тот оттолкнул его, и в тишине раздался громкий шлепок — И Цянь отвесил Фу Фэю пощечину.

Чэн Пэн и Лу Фэн отчетливо расслышали этот звук. Фу Фэй разъярился:

— Да когда это кончится!

— Всё кончено, пошёл вон! — завопил И Цянь.

Фу Фэй принялся хватать его за руки, а И Цянь яростно отбивался, не желая сдаваться. От толчка незапертая дверь распахнулась, и укрыться по другую её сторону двое наблюдателей уже не успевали.

И Цянь едва не рухнул на пол, но Лу Фэн сообразил в мгновение ока — он ловко подхватил его за спину и талию.

И Цянь врезался в крепкую грудь. На него пахло жаром, смешанным с мужским потом и резким запахом, похожим на вонь разлагающегося на солнце мусора. Он на секунду остолбенел, а затем мгновенно сообразил, что кто-то стал свидетелем его ссоры с Фу Фэем.

Фу Фэй тоже увидел Лу Фэна и Чэн Пэна.

Его брови сошлись на переносице, взгляд стал острым и пронзительным. Он с тяжелым, властным выражением вперил глаза в Лу Фэна и Чэн Пэна. Чэн Пэн уже трясся от страха, и в его глазах, и в позе читалось полное поражение, но Лу Фэн лишь хмуро смотрел в ответ.

Для Лу Фэна Фу Фэй был огромной величиной, настоящей знаменитостью, чьё громкое имя и подвиги он не раз слышал от самых разных людей.

Он слышал о нем от самого И Цяня: в прошлый раз в торговом центре И Цянь разговаривал с ним по телефону — горделиво и капризно, и Лу Фэн тогда долго мучился ревностью.

Он слышал о нем от Чэнь Мана и старого Ху: молодой и перспективный крупный босс, чье состояние наверняка исчисляется миллиардами; хоть он и юн, но руки его дотягиваются до любых вершин, а сам он всемогущ, почти как небожитель.

Лу Фэн и сам искал информацию о нем в интернете: те немногие короткие новости, что ему удалось найти, рассказывали о масштабных сделках — покупке земли и инвестициях в крупные проекты.

.....

В сети не было его фотографий, и Лу Фэн впервые видел его вживую: высокий мужчина с волевым квадратным лицом и суровым взглядом. Лицо было чужим, незнакомым, но Лу Фэну не требовалось никаких иных причин — он ненавидел этого человека.

Уединившись с И Цянем, Фу Фэй готов был говорить любые слова, сыпать ласковыми прозвищами и унижаться, лишь бы тот улыбнулся. Но стоило им выйти на людях, как его собственное реноме становилось важнее любых попыток умиловить И Цяня. Проигнорировав Лу Фэна и Чэн Пэна, он отдал приказ выпрямившемуся И Цяню:

— А-Цянь, пошли в кабинет.

— Никуда я не пойду, — глядя на него во все глаза, упрямо бросил И Цянь.

Фу Фэй развернулся и зашагал прочь. И Цянь стоял неподвижно, провожая взглядом его спину, пока фигура Фу Фэя не скрылась из виду.

Спина И Цяня, державшаяся до этого прямо, чуть ссутулилась, а упрямый блеск в глазах потух, сменившись печалью и растерянностью.

Только что Чэн Пэн, прячась в тени, страшно боялся, что Фу Фэй запомнит его лицо и уволит, а то и прихватит по касательной его родственника.

Теперь же, когда Фу Фэй ушел, он наконец выдохнул и принялся дергать Лу Фэна за рукав, торопясь уйти, но Лу Фэн с места не сдвинулся.

Только что он поддержал И Цяня. Тот был одет в простую футболку и повседневные брюки — материал был незнаком на ощупь, но казался мягким, гладким и струящимся, как вода.

Касаясь этой мягкости, нежности и гладкости, он словно чувствовал ладонью живую плоть И Цяня, а исходивший от него жар едва не лишил Лу Фэна последних остатков разума.

Раз И Цянь не двигался с места, Лу Фэн тоже не мог сделать ни шагу.

Постояв с минуту в оцепенении, И Цянь обернулся, окинул взглядом Лу Фэна и Чэн Пэна и, вновь приняв осанку избалованного аристократа, произнес:

— Спасибо за помощь.

Эти слова были адресованы Лу Фэну, который его поддержал.

Лу Фэн уже открыл рот, чтобы ответить, что не стоит благодарить, но верхняя и нижняя губы словно склеились, и из горла не вылетело ни звука.

Впрочем, И Цянь вовсе не собирался ждать ответа. Он направился обратно в богато отделанный коридор и, оглядевшись по сторонам, похоже, сообразил, что не знает, куда идти — ведь он прибежал сюда в гневе, а теперь растерялся.

Обернувшись к следовавшим за ним Чэн Пэну и Лу Фэну, он спросил:

— В какой стороне «Облачная дымка»?

На Чэн Пэне была форменная одежда с бейджем, и И Цянь знал, что тот сотрудник заведения. Лу Фэн хоть и был без формы и бейджа, но щеголял в рубашке и строгих брюках, поэтому гость

принял его за такого же работника. В конце концов, среди обслуживающего персонала здесь были парни, которым не полагалось носить бейджи.

Лу Фэн перевел взгляд на Чэн Пэна, и тот ответил:

— Сюда, пожалуйста.

— Спасибо. — И Цянь двинулся за ним. Лу Фэн поспешил следом, украдкой разглядывая его со спины.

Если не считать минутного скандала, этот парень обладал поистине безупречным воспитанием и манерами: даже оказавшись услышанными, они сохранили лицо. Так думал про себя Лу Фэн.

Однако вскоре он понял: одна из причин, почему И Цянь ничуть не смутился из-за того, что их ссору с Фу Фэем подслушали, заключалась в том, что он попросту ни в грош не ставил случайных свидетелей.

Глава 5

«Облачная дымка» представляла собой просторный номер-люкс. Интерьер полностью оправдывал название: окутывающий, словно туман и облака, романтичный и изысканно-свежий.

У И Цяня была с собой карточка-ключ, и он отпер дверь сам. По идее, проводив гостя, Чэн Пэн должен был удалиться, но неведомая сила заставила его переступить порог, а Лу Фэн тут же последовал за ним.

Лу Фэн бывал в этом Звезде синего океана всего дважды, и оба раза его приводили прямо в забронированные комнаты, так что его познания об устройстве заведения были крайне ограничены.

И тем не менее даже этих скудных знаний хватило, чтобы заметить странности в здешней планировке.

Этот номер «Облачная дымка» вовсе не походил на те помещения, куда Лу Фэн заходил вместе с Чэнь Маном. Комната оказалась значительно меньше, выглядела куда более уединенной и была предназначена явно не для шумных компаний, собравшихся выпить, поиграть в карты или попеть караоке, а скорее напоминала гостиничный номер.

И Цянь уже успел приложиться к алкоголю до этого: на журнальном столике стояла початая бутылка красного вина, а на дне высокого бокала еще плескался густой рубиновый осадок.

Опустившись на диван, И Цянь оперся локтем о подлокотник, подперев щеку длинными

белыми пальцами. Взгляд его казался спокойным, но холод в нем был настолько избыточным, что выдавал глубокую растерянность.

Чэн Пэн шагнул вперед:

— Господин, вам что-нибудь требуется?

И Цянь закинул ногу на ногу. Поза казалась непринужденной, но всем своим видом он давал понять, что общаться ни с кем не намерен.

Он слегка поднял голову, окинув ленивым взглядом двоих вошедших: Чэн Пэн, несмотря на крепкое и ладное телосложение, лицом явно выдавал скользкого типчика; Лу Фэн же был высок, статен, одет в рубашку и брюки, а черты его лица отличались благородной красотой — суровой, мужественной, но в то же время чистой и застенчивой, совершенно лишённой приторности. В нем не было ничего от типичных здешних работников, напротив, он выглядел куда привлекательнее. Хотя И Цянь редко бывал здесь, стоило ему взглянуть на местных молодых господ, как он сразу замечал их общую черту: одни были по-мужски красивы и brutальны, другие источали сильный книжный дух, третьи отличались утонченной привлекательностью, встречались даже те, кто своей мягкой и соблазнительной красотой превосходил женщин... Но к какому бы типу они ни принадлежали, в каждом из них таилось едва уловимое, искусно ограненное желание угодить и прельстить.

Из-за этого он когда-то злился на самого себя, ведь Чжао Хао говорил ему, что Фу Фэй имеет его во все щели, словно какого-то мальчика по вызову.

Тогда он так разозлился, что хотел избить Чжао Хао до полусмерти, и еще несколько месяцев ходил сам не свой. Каждый раз, оставаясь с Фу Фэем, он срывался на крик, но у Фу Фэя всегда находился способ его успокоить.

Вспомнив об этом, И Цянь болезненно сморщился, и у него даже покраснели глаза, отчего он разозлился на себя еще сильнее. Вспомнилось, как Фу Фэй говорил, что он, стоит ему заплакать, сразу бежит к нему за утешением. И Цянь чувствовал, что он и впрямь ни на что не годен и Фу Фэй полностью держит его под своим началом.

Не дождавшись никакой реакции, Чэн Пэн повторил снова: — Господин, если вы больше ни в чем не нуждаетесь, мы тогда выйдем.

Вообще-то Чэн Пэн считал, что И Цянь должен оставить чаевые, но И Цяню было совсем не до того.

И Цянь замер на мгновение, приходя в себя, и уже было потянулся за бутылкой, чтобы налить себе выпить, но на полпути одернул руку и бросил: — Налей мне.

Чэн Пэн тут же подошел с бутылкой, но И Цянь, нахмурившись, бросил: — Выйди пока, — переведя взгляд на Лу Фэна, он добавил: — Ты будешь наливать.

Чэн Пэн хотел сказать, что Лу Фэн не входит в число здешних сотрудников, но Лу Фэн уже поднялся с места. Он сел рядом с И Цянем, оставив между ними расстояние примерно в полкорпуса — не слишком близко, но и не отстраненно. Молча откупорив бутылку штопором и обернув горлышко салфеткой, он налил И Цяню чуть больше половины бокала красного вина.

Аккуратно поставив бутылку на стол, он взял бокал и протянул его И Цяню.

В его движениях чувствовалась уверенная сила, но в то же время они были мягкими и безупречными.

И Цянь зачарованно смотрел на него, его голова все еще была затуманена мыслями о Фу Фэе. Когда он забирал бокал, его пальцы случайно коснулись руки Лу Фэна — лишь легкое мимолетное касание, но он ощутил шероховатость мозолей на руках Лу Фэна, отчего его собственные пальцы на мгновение закололо.

Приняв бокал, И Цянь невольно снова взглянул на Лу Фэн. Тот молча сидел рядом, аккуратно сложив руки на коленях.

И Цянь остался им очень доволен и, погрузившись в свои мысли, стал понемногу пить.

Чэн Пэн помедлил несколько секунд и тихо вышел из комнаты.

Он никак не мог взять в толк, с какой стати Лу Фэн вдруг решил прислуживать И Цяню. Хотя Чэн Пэн проработал здесь всего чуть больше полугода, многие местные правила он знал назубок. Подобные отдельные кабинеты никогда не предназначались для свободного бронирования — они закреплялись за особыми людьми, а среди таких особ все сплошь обладали огромными деньгами и властью.

Человек, который посмел отвесить пощёчину самому боссу Фу Фэю и устроить с ним грандиозный скандал — не говоря уже о том, какое место он занимал в сердце босса, — судя по его разговору с Фу Фэем, обладал далеко не простым происхождением. Его семья наверняка была баснословно богатой или родовитой.

То, что Фу Фэй предпочитал мужчин, на самом деле не было большим секретом, и Чэн Пэн слышал об этом от своих родственников. Однако Фу Фэй появлялся здесь редко, да и не было слышно, чтобы он крутил романы с здешними мальчиками по вызову, которые зарабатывали на продажах своих тел. Поразмыслив, Чэн Пэн решил, что раз рядом с ним крутится такой молодой господин высшего света, у него просто не возникнет интереса заглядываться на сторону.

У самого Чэн Пэна не было ни малейшего влечения к мужчинам, но он прекрасно видел, что у И Цяня и внешность, и фигура были безупречны. Добавим к этому хорошее происхождение — для Фу Фэя такой человек был куда интереснее любой легкомысленной пустышки из увеселительных заведений, с которой можно переспать по первому желанию.

Чэн Пэн мысленно ворчал себе под нос, постепенно начиная переживать за Лу Фэна. На самом деле он не заметил, чтобы Лу Фэн пытался клеиться к И Цяню, но чувствовал, что подобные действия Лу Фэна могли разозлить Фу Фэя. А злить Фу Фэя — шутки плохи, этот большой босс вовсе не был добряком. Но с другой стороны, Чэн Пэн не мог оскорбить И Цяня, чтобы увести Лу Фэна силой, в конце концов, И Цянь посмел даже ударить Фу Фэя по лицу.

Чэн Пэн изначально собирался остаться караулить снаружи, но в этот момент в наушнике раздался голос: командир звал его на другое задание. Делать было нечего, пришлось уйти.

И Цянь хотел лишь одного — в тихой обстановке выпить и обо всём подумать.

Он только сегодня узнал о предстоящей свадьбе Фу Фэя. Его избранницей стала известная красавица.

Слава этой девушки держалась на трех вещах. Во-первых, на её происхождении — она была дочерью влиятельного чиновника. Во-вторых, на том, что прежде за ней ухаживало немало мужчин, считавших себя исключительными, но все они потерпели поражение, из-за чего её ценность на брачном рынке только росла — росла до такой степени, что о ней знал даже И Цянь. В-третьих, она славилась своим крутым нравом: стоило ей разозлиться, как поднималась такая буря, что впору было прозвать её жуткой фурией.

И Цянь видел её дважды, но они даже не здоровались. Ему просто казалось, что слухи о её буйном характере немного преувеличены. Издалека она выглядела лишь обладательницей острого взгляда, но вовсе не злой, а когда она с кем-то разговаривала, в ней проступало нежное девичье кокетство.

Теперь, оглядываясь назад, И Цянь думал: неужели тогда она проявляла это кокетство лишь потому, что мужчина, с которым она беседовала, — Фу Фэй — всюду флиртовал с ней? И Цянь искренне чувствовал, что он уже дошел до предела глупости. Как он мог раньше так слепо верить Фу Фэю?

Его захлестнула обида и злость. Причиной тому, во-первых, было его собственное чрезмерное доверие к Фу Фэю, а во-вторых — способность Фу Фэя творить любые мерзости с абсолютно чистой совестью и с таким невозмутимо-праведным выражением лица, что у него просто не получалось в нем сомневаться.

Он узнал о предстоящей свадьбе только теперь, когда они уже собирались пожениться.

И Цянь очень хотел влить себе пощечину, но с трудом сдержался и единым махом осушил бокал.

Увидев, что тот допил, Лу Фэн — молчаливый и тихий, до того незаметный, что казалось, будто его вовсе нет в комнате, — взял из его рук пустой бокал, молча налил ему еще больше половины и снова протянул.

На этот раз И Цянь взял бокал еще более привычным жестом, подпер голову рукой и продолжил пить.

Судя по всему, Фу Фэй не мог не жениться.

И Цянь не рискнул бы заявить, что знает Фу Фэя на все сто процентов, но они встречались уже года четыре или пять, и процентов на семьдесят-восемьдесят он его изучил.

Фу Фэй был человеком донельзя амбициозным, любил, чтобы все подчинялось его ритму, и обладал сильной жадой завоевания и контроля. Потребовать от него отказаться от брака ради отношений с ним, пожалуй, было бы невозможно.

Тот лишь тешил себя мыслью, что дома у него будет жена, а на стороне — послушно бегающий за ним И Цянь.

И Цянь от злости снова сделал большой глоток и подумал про себя, что тот слишком уж о многом мечтает — да пошел он к черту.

И Цяню не давала покоя эта обида, он пил без остановки, и чем больше пил, тем тяжелее становилось на душе, а чем тяжелее становилось, тем сильнее тянуло пить.

Вскоре бокал снова опустел, и Лу Фэн опять налил ему чуть больше половины.

И Цяню почти хотелось плачь: в свое время он по наивности поддался на ухаживания Фу Фэя, лег с ним в постель и все четыре-пять лет прятался и скрывал их связь, а в итоге все закончилось вот так.

Хотя он уже давно разглядел истинное лицо Фу Фэя, испытанные чувства было трудно вернуть.

Больше не в силах сдерживаться, он снова осушил бокал, и слезы покатались по щекам. Он уткнулся лицом в подлокотник дивана, а пустой бокал выскользнул из его руки и упал на толстый ковер.

Лу Фэн поднял с ковра бокал и аккуратно поставил его на журнальный столик.

В комнате раздались сдавленные всхлипывания И Цяня, его плечи легко подрагивали от плача. У Лу Фэна сжималось сердце, но он не мог сказать ни слова, не мог сделать ничего. Кроме роли человека, который просто присматривает за И Цянем, у него не было никаких других прав, а любое превышение полномочий вызвало бы лишь гнев И Цяня и привело к тому, что его выставили бы вон.

Проплакав с десяток минут, И Цянь почувствовал, что от головной боли и отчаяния соображает с трудом. Он медленно поднял голову, и Лу Фэн тут же протянул ему бумажные салфетки. Он действовал словно робот: стоило И Цяню чего-то пожелать, как он тут же исполнял это, но при этом выглядел совершенно лишенным человеческих эмоций.

Сначала И Цяню казалось, что вести себя так жалко перед другими — невероятный позор, но Лу Фэн был настолько заботлив и внимателен, что И Цянь быстро забыл о самом факте присутствия «человека» рядом, а потому ничуть не смущался того, что тот видел его в столь неприглядном виде.

И Цянь вытер слезы. Из-за пьяного головокружения он не мог встать и невнятно попросил:

— Поддержи меня...

Лу Фэн поспешно бросился ему на помощь. Опираясь на него, И Цянь поднялся на ноги и направился вглубь комнаты. Лу Фэн проводил его во внутреннее помещение, которое было чуть просторнее гостиной. Посередине стояла огромная больная кровать, а полумрак вокруг казался таинственным и зыбким, словно во сне. И Цянь рухнул на постель и принялся ерзать, пытаясь забраться повыше, но матрас был слишком мягким, и от его усилий толку было мало.

Лу Фэн на мгновение замер, затем подошел, свернул лежавшее на постели одеяло и, обхватив И Цяня обеими руками за талию с двух сторон, рывком перетащил его на середину кровати — Лу Фэн привык к тяжелому физическому труду и обладал огромной силой. После этого он торопливо стянул с его ног кожаные туфли, но снять носки так и не осмелился.

И Цянь ошоловелым взглядом уставился на Лу Фэна. Когда Лу Фэн натягивал на него одеяло, И Цянь внезапно вцепился ему в запястье. Его ладонь была горячей и влажной, но кожа — несомненно нежной, отчего прикосновение казалось невероятно гладким и мягким.

Лу Фэн никогда прежде не ощущал такой гладкости и мягкости рук, ведь все люди, с которыми ему доводилось общаться, целыми днями занимались тяжелым трудом, и кожа у каждого была огрубевшей.

Застыв с пойманным в ловушку запястьем, Лу Фэн оцепенел, а в голове у него все перепуталось, и он совершенно не знал, как на это реагировать.

И Цянь пробормотал:

— Фу Фэй, ты, блядь, просто последняя тварь.

С этими словами он снова заплакал.

Лу Фэн сидел неподвижно, позволяя ему держать свою руку, позволяя ему плакать, потому что человек, о котором говорил И Цянь, и тот, из-за кого он проливал слезы, был вовсе не он.

Вдоволь выплеснув эмоции и разомлев от алкоголя, И Цянь вскоре заснул.

Когда он заснул, хватка его ослабла, и Лу Фэн без труда вытащил свое запястье. Выйдя из спальни в гостиную, он сел на диван; в голове царил полный хард, но лицо оставалось бесстрастным, как у деревянной куклы.

Вскоре из глубины комнаты донесся какой-то звук. Лу Фэн бросился туда: И Цяня от тошноты скрутило спазмами, и он, подхватывая, обнимая и волоча, с невероятным трудом стащил его с кровати и поволок в примыкающую совмещенную ванную комнату.

<http://bllate.org/book/21447/2191811>